

ВОПРОСЫ РОССИЙСКОЙ ЮСТИЦИИ
ВЫПУСК № 24

ТЕОРИЯ И ИСТОРИЯ ПРАВА И ГОСУДАРСТВА, ПРАВООХРАНИТЕЛЬНЫЕ ОРГАНЫ И СУДЕБНАЯ ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ

УДК 348.52

Белоусова Марина Андреевна

Московский государственный университет имени М.В. Ломоносова

Юридический факультет

Россия, Москва

generalvpered@icloud.com

Belousova Marina

M.V. Lomonosov Moscow State University

Faculty of law

Russia, Moscow

МОНАСТЫРСКАЯ ССЫЛКА КАК ВИД ЦЕРКОВНО-УГОЛОВНОГО НАКАЗАНИЯ В РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ

Аннотация: в данном исследовании осуществлена попытка заполнения лакуны в вопросе изменения содержания монастырской ссылки (монастырского подначальства) как одного из видов церковных наказаний в ходе истории Российской империи.

Ключевые слова: монастырская ссылка, церковные наказания, светские наказания, Русская Православная Церковь, монастыри.

MONASTIC BANISHMENT AS A TYPE OF ECCLESIASTICAL PUNISHMENT IN THE RUSSIAN EMPIRE

Annotation: in this paper author attempts to fill the gap in the question of the changing content of monastic exile (monastic subordination) as a type of ecclesiastical punishment during the history of the Russian Empire.

Key words: monastic banishment, ecclesiastical punishments, secular punishments, Russian Orthodox Church, monasteries.

Церковные наказания имеют совершенно особенную историю в контексте развития российского государства и права. В ходе огосударствления церковных институтов, запущенного в XVIII веке реформами Петра I, наказания, имевшие чисто церковную природу (церковное покаяние, монастырская ссылка, лишение христианского погребения) начинают назначаться решениями светских органов судебной власти, закрепляются в светских уголовно-правовых актах. Изменение содержания церковных наказаний под воздействием светской власти является на данный момент недостаточно изученным.

В данном исследовании осуществлена попытка заполнения лакуны в сфере изменения содержания конкретного церковного наказания: монастырской ссылки (монастырского подначальства).

Некоторые авторы рассматривают монастырскую ссылку как одну из форм церковного покаяния (епитимьи). Однако мы полагаем, что монастырское подначальство можно выделить как отдельный вид наказания, так как оно имеет задачи, несколько отличные от задач епитимьи. Церковное покаяние (возможно, в силу изначального смешения с духовными упражнениями для очищения от греха) больше тяготеет к цели понуждения к исправлению. Монастырское подначальство подразумевало либо некое кратковременное дисциплинарное наказание (так называемые «мукосейные труды» для проштрафившихся священно- и церковнослужителей) – соответственно, имело главной целью поддержание порядка, либо длительную ссылку ради изоляции общественно вредных элементов. Это касается и ссылки в монастыри по политическим мотивам – для обезвреживания государственных преступников, и ссылок для недопущения «соблазна» - например, нового вступления в брачное сожитие для тех, кому оно запрещено [9, с. 43-55; 19, с. 111-1112].

В XVIII веке едва ли не самой распространённой причиной помещения в монастырь было доказанное прелюбодеяние. В большинстве случаев это наказание применялось к женщинам по челобитным их мужей. Такая церковная мера была предусмотрена ещё в законодательстве византийского императора

Юстиниана [22, с. 448]. Хотя 170 Артикулом для прелюбодеев было предусмотрено наказание в виде «жестокое заключения, шпицрутенов, и отставления от полку, или посылки на каторгу на время», а в 1723 году было установлено наказание в виде ссылки на прядильный двор [23, с. 109], фактически жён-прелюбодеек часто посылали в монастырь до конца жизни или на срок «прелюбодейной» епитимьи по решению духовных властей [13, с. 5-6]. Данная мера применялась и к дворянкам [14, с. 122-124], и к крестьянским жёнам [15, с. 374-377].

В XVIII веке вопрос о назначении данной меры наказания за прелюбодейние относился к компетенции духовного начальства – консистории, архиерея или в сложных случаях Синода.

Прелюбодейнием считалось и вступление в новый брачный союз при наличии живого супруга [13, с. 5-6]. В таком случае при отказе первого мужа принять к себе «блудную» супругу последняя часто отправлялась в монастырь до конца своих дней, как прелюбодейка.

В монастырь могла быть отправлена и вторая сторона адюльтера (или второй – незаконный – супруг) при условии, что ему было известно о наличии брака [15, с. 374-377].

С учётом того, что в XVIII веке действовал принцип «признание есть лучшее свидетельство всего света» в разводных по прелюбодейнию делах [16, с. с. 384], случались злоупотребления в отношении разводов вообще и помещения жён в монастыри в частности. Так, Синод скромно «отмолчался» по вопросу о доказанности прелюбодейния Анны Марковой, лишь позволив отцу забрать её из монастыря к себе на жительство [7].

Смягчивший нравы XIX век перенял практику монастырской ссылки за прелюбодейние, значительно уменьшив, однако, её сроки. Монастырская ссылка (заключение в монастыре) на краткий срок от шести месяцев до года для состоящего в супружестве в качестве альтернативы тюремному заключению на тот же срок была предусмотрена статьями Уложения о

наказаниях уголовных и исправительных. В качестве дополнительной меры воздействия на прелюбодеев и их партнёров по адюльтеру Уложением предусматривалось церковное покаяние (ст. 2077 редакции 1845 года).

Правило об оставлении на решение мужа судьбы провинившейся жены применялось в XVIII веке и в случае покушения на жизнь супруга: в 1744 году была изъята из тюрьмы при Канцелярии главного правления Сибирских и Казанских заводов крестьянка, пытавшаяся отравить мужа, с тем, чтобы её муж решил – готов ли он взять её к себе или она будет отправлена в монастырь с запретом на вступление в новый брак.

Монастырская ссылка могла быть назначена и за другие «преступления плоти» в качестве, например, замены смертной казни. Так, в 1741 году за кровосмешение с отцом в качестве снисхождения за раскаяние была освобождена от смертной казни вдова Анна Павлова, при условии отправления её в монастырь на вечное покаяние [17, с. 202-203, 296-297].

Уложение о наказаниях уголовных и исправительных предусматривало наказание в виде краткосрочного монастырского заключения (от четырех до восьми месяцев) за кровосмешение в 4 степени родства. Так же, как в случае с прелюбодеем, в Уложении была определена дополнительная мера – церковное покаяние (ст. 2088 редакции 1845 года). Это очень любопытный момент, показывающий, как изменилось понимание монастырской ссылки за «преступления плоти» по сравнению с XVIII веком. Теперь монастырское заключение есть лишь физическое лишение свободы (приравненное к тюрьме), без посылки к покаянию, которое имеет место уже отдельно. Кроме того, назначается оно по решению уже светского суда, а не духовного.

Понимание различия между монастырской ссылкой, назначенной государством в лице его судебных и квазисудебных органов за нарушение правовых норм (светское наказание), и монастырским подначальством, определённым властью духовной в качестве способа подготовки к очищению от греха или изоляции от соблазнов (церковное наказание), пришло к Синоду ещё

в XVIII веке. В 1744 году Максим Пархомов, сосланный в монастырь до конца своих дней за упорство в сожительстве с незаконной женой, просил освободить его по силе высочайших указов (о прощении преступников). Синод отказал в этом прошении на основании того, что Пархомов сослан «не за противные указам и государственным правам поступки, но в чинении им святой церкви противности». Монастырское заключение ему и его сожительнице Дарье Колтовской назначено, по формулировке Синода, «дабы ... не впади в прежнее скверное беззаконие и не погибли бы вечно» [6, с. 15]. Таким образом, отказав в распространении всемилостивейших манифестов (о помиловании), Синод показал понимание различия между монастырской ссылкой как мерой светской (назначаемой за преступления) и церковной.

В связи с этим необходимо отметить, что монастырская ссылка за «преступления плоти» в XVIII веке была в большинстве случаев церковной мерой (потому длительной – так как либо привязывалась к срокам епитимий, установленных правилами св. отцов, либо, имея целью изоляцию распущенного лица, назначалась пожизненно). В XIX веке монастырское заключение перешло в светское Уложение о наказаниях и потеряло церковноправовое значение, став полностью светской мерой, в отдельных случаях прямо именуясь законом альтернативой тюремному заключению.

В качестве замены более суровому наказанию монастырское заключение применялось и для малолетних преступников. Так, например, в 1740 году по малолетству была освобождена от смертной казни за поджог Анна Иванова с отправкой её в монастырь в работу (без указания срока [18, с. 410-412]). За церковную кражу «из ребячьей глупости» в 1743 году были отправлены на год в монастырь при епитимье в 100 поклонов на каждой литургии два крестьянских мальчика [17, с. 436-437]. А.С. Пругавин, отмечая, что малолетство «не спасало от монастырского заточения», делает акцент на отрицательных сторонах этого наказания (суровые условия содержания в монастырских тюрьмах, часто бессрочный характер наказания и так далее) [20,

с. 77]. Однако, как было указано, монастырское заключение было всё-таки более мягким наказанием, чем те, что должны были применяться в отношении взрослых преступников.

Статья 138 (в редакции 1845 года) Уложения о наказаниях уголовных и исправительных также предусматривало для малолетних (от 10 до 14 лет), совершивших преступление «в разумении», замену телесного наказания через палачей и ссылки на поселение по лишении всех прав на заключение в монастыре при наличии поблизости монастыря их исповедания (разумеется, православных монастырей хватало) на срок от пяти до восьми лет. При этом альтернативным наказанием выступало заключение в смиренном доме, что много говорит о понимании законодателем карательной (светской) сущности монастырской ссылки. На меньший срок монастырского заключения заменялось более мягкое наказание в виде ссылки в Сибирь и другие отдалённые губернии, отдача в арестантские роты или в рабочие дома при лишении особенных прав – альтернатива предусматривала заключение от двух месяцев до одного года.

В XVIII веке монастырская ссылка часто применялась в делах раскольников.

Как известно, Пётр I прекратил открытое преследование раскольников, отменив знаменитые Двенадцать статей царевны Софьи, и попытавшись вытащить старообрядцев «из подполья» и установить для них двойное налогообложение.

Однако несмотря на это борьба против раскола прекращена не была. Резолюцией на докладные пункты Святейшего Синода Петр I подтвердил отношение богохульных, еретических и раскольных дел к ведомству духовного суда [13, с. 173-177, 366, 372]. Однако делами раскольничьих учителей и раскольников-богохульников занимались органы политического сыска [2, с. 27].

Производя следствие и определяя наказание, Тайная Канцелярия часто злоупотребляла отправлением раскольников (особенно дряхлых и потому негодных в военную службу) по монастырям, о чём в уведомительном порядке сообщала Синоду, и оставляла ему возможность лишь без возражений распределить их по монастырям.

Данная практика была весьма трудна для монастырей, которые мало того, что в большинстве случаев не имели достаточных средств на содержание раскольников, так ещё и страдали от дурного влияния упорных старообрядцев на монастырскую братию.

В 1740-е годы этот вопрос встал перед церковью особенно остро. Святейший Синод не пытался отговориться от помещения по монастырям хотя бы раскаявшихся раскольников «для предостережения и надлежащего наблюдательства» [17, с. 435-436]. Однако упорные и нераскаивающиеся доставляли весьма много хлопот. Так, например, Синод требовал от Сената забрать 13 раскольников, принятых на содержание в Новгородской епархии, которые сбегали из монастырей и потому требовали приставления караула едва ли не к каждой [17, с. 309-310]. В 1741 году Синод попытался объявить Тайной Канцелярии, что «явных злодеев и народных возмутителей и бунтовщиков на монастырские хлеба посылать и в карауле за ними те монастыри отягощать не надлежит» [17, с.143-144]. Однако мнение Синода учтено не было, и в 1744 году Сенат подал ведение о размещении по монастырям освобождённых из ссылки раскольников. Синоду в ответ пришлось предлагать очевидные варианты вроде отдачи молодых в военную службу и в работы, детей в обучение, а стариков в богадельни в качестве альтернативы неисходным монастырским трудам. Принять Синод согласился лишь монахов-расстриг, не обзаведшихся семьёй [15, с. 60-61].

Очевидно, что несмотря на все отговорки Синода, светские органы власти были настроены на использование против раскольников наказания в виде

монастырской ссылки – это был самый простой для правительства вариант изоляции распространителей раскола от общества.

Во второй половине XVIII века, в связи со смягчением карательной политики в отношении богохульников и лиц, занимавшихся колдовством, а также (как бы это ни было удивительно) окончательным переходом данных вопросов в ведомство светских судов, монастырская ссылка в качестве наказания по этим делам ради «увещевания» становится более распространённой [21, с. 164, 177].

К середине XVIII века политика размещения преступников в монастырях расширялась: например, было постановлено содержать престарелых и увечных колодников в дальних монастырях [17, с. 329], принимать престарелых и «в уме повреждённых колодников для исправления» [17, с. 160-161].

В XIX веке помещение в монастыри раскольников сошло на нет, к богохульникам стали применяться иные наказания, однако, по свидетельству А.С. Пругавина, вплоть до конца века в монастырских тюрьмах можно было обнаружить лиц разных званий и состояний, в том числе принадлежащих к расколу [20, с. 17].

Ещё одной группой преступников, содержавшихся в монастырях, были лица, совершившие в состоянии сумасшествия то или иное преступление. В России XVIII века монастыри служили в какой-то степени местом содержания душевнобольных. Несмотря на то, что законодательством этой эпохи не было предусмотрено освобождение сумасшедших и безумных от наказания, даже тогда к ним не применялись самые суровые наказания, установленные для лиц, совершивших преступления в здравом рассудке. Например, в 1744 году был помещён в Соловецкий монастырь бывший монах Терентий Федорицкий, обвиняемый по 1 пункту (самое серьёзное из обвинений – покушение на государя или измена ему [1, с. 13]) и потому «в здравом смысле по всем государственным правам достойный жестокой смертной казни» [15, с. 110-112]. Сыскные органы, обнаружив ненормальное состояние рассудка преступника,

отправляли в монастыри «для лучшего христианского благочестия и исправления ума», из-за чего возникали пререкания в вопросах компетенции: должен ли Синод принимать таких лиц в своё ведомство или его дело лишь исполнять поручения сыскного органа, который сам за этих преступников отвечает [8, с. 42-44]. В случае, если к содержащемуся в монастыре возвращался рассудок, его должны были освободить, не применяя иных наказаний за совершённое в болезненном состоянии [15, с. 192-193]. Однако условия содержания в монастырском заключении не способствовали восстановлению рассудка, потому таких случаев практически не бывало.

А.С. Пругавин сообщает, что душевнобольные преступники содержались в монастырях вплоть до реформ Александра II [20, с. 54], однако на самом деле государственные учреждения для содержания душевнобольных были образованы гораздо раньше. В 1723 году Петр I попытался запретить отправлять «сумасбродных» в монастыри и устроить для них специальные госпитали, однако за несозданием этих последних весь период «дворцовых переворотов» ознаменовался сохранением прежней традиции. Но после проведения губернской реформы в 1775 году при Приказах общественного призрения начали открывать психиатрические отделения в больницах и строить «жёлтые дома». В 1779 году в Петербурге был открыт первый приют для душевнобольных, создавались подобные заведения и в других городах [4, с. 222-230].

В XIX веке произошло принципиальное изменение подхода к оценке преступлений душевнобольных: они перестали подлежать вменению, ушли из-под юрисдикции уголовного суда [3, с. 156]. 23 апреля 1801 года император Александр I издал именной указ, предписывавший отдавать лиц, совершивших убийство «в сумасшествии», в «дом безумных», потому что на них «нет ни суда, ни закона» [11, с. 617-618]. Отдача лиц, совершивших самые опасные деяния, в специальные учреждения, была подтверждена и Сводом законов уголовных (ст. 921), и Уложением о наказаниях (ст. 95 ред. 1845 года) [10, с.

613]. Таким образом, монастырская ссылка сумасшедших преступников в XIX век не перешла.

Полное уничтожение института монастырского заключения в Российской империи не состоялось даже к началу XX века с подписанием указа «Об укреплении начал веротерпимости» 17 апреля 1905 года [12, с. 258-262], который, по мнению публициста В.Г. Короленко, подрывал «самую основу бытия» монастырских тюрем. Фактически последним случаем монастырского заключения стала чисто политическая «почётная ссылка» Андрея Шептицкого в Спасо-Евфимьевский монастырь в 1914 году [5].

Таким образом, история монастырской ссылки в Российской империи иллюстрирует судьбу института церковных наказаний в целом: находясь изначально внутри церковной организации, имея соответствующие цели, она была во многом насильственно заимствована светской властью и приспособлена к практическим государственным нуждам. Включение в светскую систему наказаний означало для монастырской ссылки, как и для других видов наказания, фактическую ликвидацию в предыдущей форме существования.

Список литературы:

1. Анисимов Е.В. Держава и топор. – М.: «НЛО», 2019.
2. Анисимов Е.В. Политический сыск и русское общество в XVIII веке. – М: Новое литературное обозрение, 1999.
3. Велижев М. Мишель Фуко, Пётр Чаадаев и история безумства в России. // Новое литературное обозрение. 2019. №1.
4. Каннабих Ю.В. История психиатрии. – М.: «Академический проект», 2019.
5. Короленко В.Г. Заточение графа Шептицкого // Русские Ведомости. 1916. 25 октября. № 246.
6. Лебедев А. О брачных разводах по архивным документам Харьковской и Курской духовных консисторий // Чтения в Императорском Обществе

Истории и Древностей Российских при Московском Университете. 1887. Книга вторая.

7. Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода (сост. Комиссией для разбора и описания архива Святейшего Правительствующего Синода). Т. V. – СПб., 1897.

8. Описание документов и дел, хранящихся в архиве Святейшего Правительствующего Синода (сост. Комиссией для разбора и описания архива Святейшего Правительствующего Синода). Т. VIII. – СПб., 1891.

9. Павлушков А. Р. Использование военнослужащих для охраны ссыльных в монастырях в XVIII-XIX веках / А. Р. Павлушков // Воинский подвиг защитников Отечества: традиции, преемственность, новации: Материалы межрегиональной науч.-практ. конф. Вологда, 2000.

10. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание второе (12 декабря 1825 – 1 марта 1881 г.): В 55 тт. СПб. Т. XX. Отд. I. – СПб., 1846.

11. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание первое (1649 – 12 декабря 1825 г.). Т. XXVI. – СПб., 1830.

12. Полное собрание законов Российской Империи. Собрание третье. Т. XXV. Отд. I. – СПб., 1908.

13. Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской Империи. Т. II (1722). – СПб., 1872.

14. Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской Империи. Т. IV (1724 – 28 января 1725). – СПб., 1876.

15. Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской Империи. Царствование государыни императрицы Елизаветы Петровны. Т. II (1744 – 1745). – СПб., 1907.

16. Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской Империи. Т. V. (28 января 1725 – 5 мая 1727). – СПб., 1881.

17. Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской Империи. Царствование государыни императрицы Елизаветы Петровны. Т. I (1741 – 1743). – СПб., 1899.

18. Полное собрание постановлений и распоряжений по ведомству православного исповедания Российской Империи. Т. X (1738 – 24 ноября 1741). – СПб., 1911.

19. Полянский П.Л. Правовое регулирование брачно-семейных отношений в российском обществе: историко-правовое исследование. – М.: «Зерцало-М». 2016.

20. Пругавин А.С. Монастырские тюрьмы в борьбе с сектантством (к вопросу о веротерпимости). – М., 1905.

21. Смилянская Е.Б. Волшебники, богохульники, еретики в сетях российского сыска XVIII века. – М.: «Ломоносовъ». 2016.

22. Суворов Н.С. «О безбрачии как о последствии расторжения брака по причине прелюбодеяния» // Юридический вестник. Издание Московского юридического общества. Том II. Книга 4.

23. Цатурова М.К. Три века русского развода. – М., «Логос». 2011.